

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 31. «Слишком много есть в каждом из нас
неизвестных, играющих сил...»

Выпуск № 461

Александр Блок

Мой бедный, мой далёкий друг!
Пойми, хоть в час тоски бессонной,
Таинственно и неуклонно
Снедающий меня недуг...
Зачем в моей стеснённой груди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки,
И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
Лишь дьявола они находят...
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста...
Все, кто намеренно щадит,
Кто без желанья ранит больно...
Иль – порываний нам довольно,
И лишь недуг – надёжный щит?

1912

Варлам Шаламов

Розовый ландыш

Не над гробами ли святых
Поставлен в изголовье
Живой букет цветов витых,
Смочённых чистой кровью.

Прогнулся лаковый листок,
Отяжелён росой.
Открыл тончайший завиток
Со всей его красою.

И видны робость и испуг
Цветка в земном поклоне,
В дрожанье ландышевых рук,
Ребяческих ладоней.

Но этот розовый комок
В тряпье бледно-зелёном
Назавтра вырастет в цветок,
Пожаром опалённый.

И, как кровавая слеза,
Как Макбета виденье,
Он нам бросается в глаза,
Приводит нас в смятенье.

Он глазом, кровью налитым,
Глядит в лицо заката,
И мы бледнеем перед ним
И в чём-то виноваты.

Как будто жили мы не так,
Не те читали книги.
И лишь в кладбищенских цветах
Мы истину постигли.

И мы целуем лепестки
И кое в чём клянёмся.
Нам скажут: что за пустяки, —
Мы молча улыбнёмся.

Я слышу, как растёт трава,
Слежу цветка рожденье.
И, чувство превратив в слова,
Сложу стихотворенье.

Лариса Миллер

Картина та нерукотворна,
Хоть пляшет кисть по ней проворно.
Она с нездешнего крыла
На землю сброшена была.
Её крутили на мольберте
В ночи хохочущие черти.
По ней разлит небесный свет.
На ней бесовский чёрен след.
Художник луч рисует горний,
А кисть всё злей и непокорней.
Не мучься, молодость губя.
Её допишут без тебя
Господь перстом, копытом леший.
Вставь в рамку, да на стенку вешай.

1981

Выпуск № 166

Александр Блок

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.

Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, —
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой — точно сразу поймёт:
Вздоргнут плечи, рука у него;
Обернётся — и нет ничего;
Между тем — беспокойство растёт.

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть, не влюблённость, не месть;
Так – игра, как игра у детей:
И в собрании каждом людей
Эти тайные *сыщики* есть.

Ты и сам иногда не поймёшь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придёшь,
А уйдёшь от людей – не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полёт всех планет,
Громовые раскаты в тиши...

А пока – в неизвестном живём
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнём,
Обжигаем себя и других...

1913

Алексей Толстой

Бывают дни, когда злой дух меня тревожит
И шепчет на ухо неясные слова,
И к небу вознестись душа моя не может,
И отягчённая склоняется глава.
И он, не ведая ни радости, ни веры,
В меня вдыхает злость – к кому, не знаю сам –
И лживым зеркалом могучие размеры
Лукаво придаёт ничтожным мелочам.
В кругу моих друзей со мной сидит он рядом,
Весёлость им у нас надолго отнята,
И сердце он моё напитывает ядом
И речи горькие влагает мне в уста.
И всё, что есть во мне порочного и злого,

Клубится и растёт всё гуще и мрачней
И застилает тьмой сиянье дня родного,
И неба синеву, и золото полей,
В пустыню грустную и в ночь преобразуя
Всё то, что я люблю, чем верю и живу я.

1858

Выпуск № 684

Николай Гумилёв

Моя душа осаждена
Безумно-странными грехами.
Она – как древняя жена
Перед своими женихами.

Она должна в чертоге прясть,
Склоняя взоры всё суровей,
Чтоб победить глухую страсть,
Смирить мятежность бурной крови.

Но если бой неравен стал,
Я гордо вспомню клятву нашу
И, выйдя в пиршественный зал,
Возьму отравленную чашу.

И смерть придёт ко мне на зов,
Как Одиссей, боец в Пергаме,
И будут вопли женихов
Под беспощадными стрелами.

Александр Блок

Усталость

Кому назначен тёмный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдёт.

И краток путь средь долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: смерть.

И есть ланит живая алость,
Печаль свиданий и разлук...
Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.

1907

Фёдор Сологуб

Я сам закон игры уставил
И проиграл, но не хочу
Разбить оковы строгих правил.
Мой проигрыш я заплачу.

Но, может быть, платить нам нечем.
Всё увеличивая счёт,
Несчастливо мы карты мечем.
Придёт последний банкроёт,

И, приневоленный к азарту,
Всё, что осталось, подсчитай,
Поставь последний куш на карту,
О выигрыше помечтай,

И знай, что шулер беспощаден,
И что громаден будет счёт,
И что огонь из чёрных впадин
Его глазниц смертельно жжет.

1922

Выпуск № 658

Михаил Лермонтов

Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать,
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на *поэта!*
Я обманулся, вижу сам;
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Всё то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?

1832

Фёдор Сологуб

Преодолев тяжелое косненье
И долгий путь причин,
Я сам – творец и сам – своё творенье,
Бесстрастен и один.

Ко мне струилось пламенное слово.
Блистая, дивный меч,
Архангелом направленный сурово,
Меня грозился сжечь.

Так, светлые владыку не узнали
 В скитальце и рабе,
Но я разбил старинные скрижали
 В томительной борьбе.

О грозное, о древнее сверканье
 Небесного меча!
Убей раба за дерзкое исканье
 Эдемского ключа.

Исполнил раб завещанное дело:
 В пыли земных дорог
Донес меня до вечного предела,
 Где я – творец и бог.

1901

Выпуск № 676

Михаил Лермонтов

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай Бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет;
Ты светом осуждён. Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.

Далёко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землёй;
Ты счастливей меня, перед тобой
Как море жизни – вечность роковая
Неизмеримую открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О, если так, то небо не сравню
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере, я люблю!

1831

Александр Пушкин

Коварность

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою, –
Не говори: «Он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «Неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображение
И гордую забаву находил

В его тоске, рыданиях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочёл в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором, –
Тогда ступай, не трать пустых речей –
Ты осуждён последним приговором.

1824

Выпуск № 1201

Александр Пушкин

Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздаётся близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шёпот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовёшь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

1830

Иннокентий Анненский

Будильник

Обручена рассвету
Печаль её рулад...
Как я игрушку эту
Не слушать был бы рад...

Пусть завтра будет та же
Она, что и вчера...
Сперва хоть громче, глаже
Идет её игра.

Но вот, уж не читая
Давно постылых нот,
Гребёнка золотая
Звенит, а не поёт...

Цепляясь за гвоздочки,
Весь из бессвязных фраз,
Напрасно ищет точки
Томительный рассказ,

О чьём-то недоборе
Косноязычный бред...
Докучный лепет горя
Ненаступивших лет,

Где нет ни слёз разлуки,
Ни стылости небес,
Где сердце – счётчик муки,
Машинка для чудес...

И скучно разминая
Пружину полчаса,
Где прячется смешная
И лишняя Краса.

Александр Блок

Весь день – как день: трудов исполнен малых
И мелочных забот.

Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывёт.

Волнуешься, – а в глубине покорный:
Не выгорит – и пусть.
На дне твоей души, безрадостной и чёрной,
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница
Твоих дневных забот.
Когда ж в морозный мрак засмотрится столица
И полночь пропоёт, –

И рад бы ты уснуть, но – страшная минута!
Средь всяких прочих дум –
Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмёт так нежно горло:
Ни охнуть, ни вздохнуть,
Как будто ночь на всё проклятие простёрла,
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,
Но некому помочь:
Куда ни повернись – глядит в глаза пустые
И провожает – ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках простонет
До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

И, наконец, придёт желанная усталость,
И станет всё равно...
Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

Выпуск № 727

Николай Гумилёв

Лето

Лето было слишком знойно,
Солнце жгло с небесной кручи, –
Тяжело и беспокойно,
Словно львы, бродили тучи.
В это лето пробегало
В мыслях, в воздухе, в природе
Золотое покрывало
Из гротесок и пародий.
Точно кто-то, нам знакомый,
Уходил к пределам рая,
А за ним спешили гномы,
И кружилась пыль седая.
И с тяжелою печалью
Наклонились к бессилью
Мы, обманутые далью
И захваченные пылью.

1906

Лариса Миллер

Одно смеётся над другим:
И над мгновеньем дорогим,
Далёким, точно дно колодца,
Мгновенье новое смеётся.
Смеётся небо над землёй,
Закат смеётся над зарёй,
Заря над тлением хохочет
И воскресение пророчит;
Над чистотой смеётся грех,
Над невезением успех,
Смеётся факт, не веря бредням...
Кто будет хохотать последним?

1981

Выпуск № 936

Александр Блок

Сытые

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот – в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных –
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах – желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так – негодует всё, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещён,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамён!

Пусть доживут свой век привычно –
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям – неприлично
Их старой скуке подражать.

1905

Иван Бунин

Никогда вы не воскреснете, не встанете
Из гнилых своих гробов!
Никогда на Божий лик не глянете,
Ибо нет восстанья для рабов –

Тёмных слуг корысти, злобы, ярости,
Мести, страха, похоти и лжи,
Тучных тел и скучной, грязной старости:
Закопали – и лежи!

1916

Марина Цветаева

из цикла «Стол»

Квиты: вами я объедена,
Мною – живописаны.
Вас положат – на обеденный,
А меня – на письменный.

Оттого что, йотой счастлива,
Яств иных не ведала.
Оттого что слишком часто вы,
Долго вы обедали.

Всяк на выбранном заранее –
Много до рождения! –
Месте своего деяния,
Своего радения:

Вы – с отрывками, я – с книжками,
С трюфелем, я – с грифелем,
Вы – с оливками, я – с рифмами,
С пикулем, я – с дактилем.

В головах – свечами смертными –
Спаржа толстоногая.
Полосатая десертная
Скатерть вам – дорогою!

Табачку пыхнем гаванского
Слева вам – и справа вам.
Полотняная голландская
Скатерть вам – да саваном!

А чтоб скатертью не тратиться –
В яму, место низкое,

Вытряхнут вас всех со скатерти:
С крошками, с огрызками.

Каплуном-то вместо голубя
– Порх! – душа – при вскрытии.
А меня положат – голую:
Два крыла прикрытием.

1933

Выпуск № 395

Александр Блок

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознанья
И забываю, что и как...
Кругом – снега, трамваи, зданья,
А впереди – огни и мрак.

Что, если я, замороженный,
Сознанья оборвавший нить,
Вернусь домой уничиженный, –
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

1909

Владислав Ходасевич

День

Горячий ветер, злой и лживый.
Дыханье пыльной духоты.
К чему душа, твои порывы?
Куда ещё стремишься ты?

Здесь хорошо. Вкушает лира
Свой усыпительный покой
Во влажном сладострастии мира,
В ленивой прелести земной.

Здесь хорошо. Грозы раскаты
Над ясной улицей ворчат,
Идут под музыку солдаты,
И бесы юркие кишат:

Там разноцветные афиши
Спешат расклеить по стенам,
Там скатываются по крыше
И падают к людским ногам.

Тот ловит мух, другой танцует,
А этот, с мордочкой тупой,
Бесстыжим всадником гарцует
На бёдрах ведьмы молодой...

И верно, долго не прервётся
Блистательная кутерьма
И с грохотом не распадётся
Тёмно-лазурная тюрьма.

И солнце не устанет парить,
И поп, деньку такому рад,
Не догадается ударить
Над этим городом в набат.

1921

Лариса Миллер

Чем кончится вся эпопея?
Гоморра, Содом и Помпея.
Помпея, Гоморра, Содом...
Куда бы ты ни был ведом,
Тебе не поспорить с лавиной.
Так слушай коран соловьиный
В июньскую светлую ночь,
Коль в силах тоску превозмочь.

1981

Выпуск № 245

Александр Блок

Ушёл я в белую страну,
Минуя берег возмущённый.
Теперь их голос отдалённый
Не потревожит тишину.

Они настойчиво твердят,
Что мне, как им, любезно братство,
И христианское богатство
Самоуверенно сулят.

Им нет числа. В своих гробах
Они замкнулись неприступно.
Я знаю: больше чем преступно
Будить сомненье в их сердцах.

Я кинул их на берегу.
Они ужасней опьянённых.
И в глубинах невозмущённых
Мой белый светоч берегу.

1902

Лариса Патракова

И я не обнаружила себя
Однажды в этом дне и в том пространстве,
Где я жила, в бесстрашном постоянстве
Кудель льняную с песней теребя...
Пошла искать. И обошла по кругу
Минувшие столетия. И время –
Тот падший ангел, скорый на услугу,
Явил и в этот раз своё уменье.
Из тысячи путей избрав один,
Он вёл меня, печальный и крылатый,
Вокруг дымились сонмы виноватых –
Он от меня очей не отводил.

«В какой воде пливёшь – такую пить», –
Шумел народ – такой же ангел падший...
Он пьёт, он пишет, он и землю пашет,
А у меня нет сил его любить...

Николай Заболоцкий

Противостояние Марса

Подобно огненному зверю,
Глядишь на землю ты мою,
Но я ни в чём тебе не верю
И славословий не пою.
Звезда зловещая! Во мраке
Печальных лет моей страны
Ты в небесах чертила знаки
Страданья, крови и войны.
Когда над крышами селений
Ты открывала сонный глаз,
Какая боль предположений
Всегда охватывала нас!
И был он в руку – сон зловещий:
Война с ружьём наперевес
В селеньях жгла дома и вещи
И угоняла семьи в лес.
Был бой и гром, и дождь и слякоть,
Печаль скитаний и разлук,

И уставало сердце плакать
От нестерпимых этих мук.
И над безжизненной пустыней
Подняв ресницы в поздний час,
Кровавый Марс из бездны синей
Смотрел внимательно на нас.
И тень сознательности злобной
Кривила смутные черты,
Как будто дух звероподобный
Смотрел на землю с высоты.
Тот дух, что выстроил каналы
Для неизвестных нам судов
И стекловидные вокзалы
Средь марсианских городов.
Дух, полный разума и воли,
Лишённый сердца и души,
Кто о чужой не страдает боли,
Кому все средства хороши.
Но знаю я, что есть на свете
Планета малая одна,
Где из столетия в столетье
Живут иные племена.
И там есть муки и печали,
И там есть пища для страстей,
Но люди там не потеряли
Души единственной своей.
Там золотые волны света
Плывут сквозь сумрак бытия,
И эта малая планета –
Земля злосчастная моя.

1956

Выпуск № 753

Бахыт Кенжеев

Кто житель, кто жилец, кто, вены отворив,
спустив дурную кровь, лежит – и слаб, и тонок
в купели высохшей и думает, что жив
неверной ревностью, как куклою – ребёнок,

кто в сердце города, где, уходя в тоннель,
грохочет грузовик, кто в пригороде сером,
где состязаются – которое темней? –
окошки низкие, где отсыревшим сеном,

простывшим деревом, испариной дождя,
и влажный ветерок болезнен, драгоценен...
Огонь керосиновый, волнуясь и чадя,
дрожит, скрипучую вылизывая темень.

Горящий Бог весть где, сорвавшись с языка,
поворотив лицо к пробоинам небесным,
ты думаешь, что жизнь – всего одна строка,
единственный канат, протянутый над бездной.

И если всякий крест перекрывает рост
казнимого, – войдёт в безветренные кущи
предвечный человек, любовник вязких звёзд,
живущий Бог весть как, но всё-таки живущий.

Александр Блок

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастья твердишь, – который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные, порочные улады
Вина, страстей, погибели души?

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвеньё, сон и отдых от забот...
Очнёшься – вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полёт...

Вздохнул, глядишь – опасность миновала...
Но в этот самый миг – опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пёстрой
Придуманых причин, пространств, времён... —

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

1912

Выпуск № 639

Фёдор Тютчев

Чему молилась ты с любовью,
Что как святыню берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Её спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

1851 – 1852

Александр Блок

Там человек сгорел.
Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,

И об игре трагической страстей
Повествовать ещё не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельный пожар!

1910

Анна Ахматова

В. С. Срезневской

Жрицами божественной бессмыслицы
Назвала нас дивная судьба,
Но я точно знаю – нам зачислятся
Бденья у позорного столба,

И свиданье с тем, кто издевается,
И любовь к тому, кто не позвал...
Посмотри туда – он начинается,
Наш кроваво-чёрный карнавал.

1913

Выпуск № 5

Михаил Лермонтов

Исповедь

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,

Что время лечит от страдания,
Что мир для счастья сотворён,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..

Но вере тёплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших – но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнём язвительным своим.

1831

Максимилиан Волошин

Я быть устал среди людей,
Мне слышать стало нестерпимо
Прохожих свист и смех детей...
И я спешу, смущаясь, мимо,
Не подымая головы,
Как будто не привыкло ухо
К враждебным ропотам молвы,
Растущим за спиною глухо;
Как будто грязи едкий вкус
И камня подлого укус
Мне не привычны, не знакомы...
Но чувствовать ещё больней
Любви незримые надломы
И медленный отлив друзей,
Когда, нездешним сном томима,
Дичась, безлюдееет душа
И замирает не дыша
Клубами жертвенного дыма.

1913

Сергей Есенин

Жизнь – обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: "Лишь сердце потревожь,
Жизнь – обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе".

Хорошо в черёмуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь – стезя.
Пусть обманут лёгкие подруги,
Пусть изменят лёгкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык, –
Я живу давно на всё готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звёздного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил – забыли про меня.

Но и всё ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за всё благодарю.

1925

Выпуск № 168

Александр Пушкин

Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень,
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу, и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слёзы лью, —
Но строк печальных не смываю.

1928

Афанасий Фет

С солнцем склоняясь на тёмную землю,
Взором весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, бесследно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.

Станным лишь что-то мерцает узором:
Горе минувшее тайным укором
В сбивчивом ходе несбыточных грёз
Там миллионы рассыпало слёз.

Стыдно и больно, что так непонятно
Светятся эти туманные пятна,
Словно неясно дошедшая весть...
Всё бы, ах, всё бы с собою унести!

1887

Фёдор Тютчев

Бессонница

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времена стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг –
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

1829